

МЕЛИССА АЛБЕРТ

ОРЕХОВЫЙ

ЛЕС

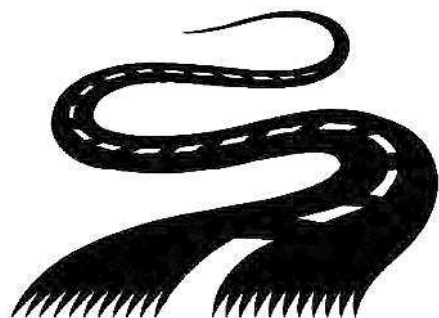
ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

*С любовью и благодарностью
посвящается моим родителям,
которые никогда не мешали мне читать.*

Я вышел в мглистый лес ночной,
Чтоб лоб горячий остудить...

*У.Б. Йейтс,
«Песня скитальца Энгуса»**

* Пер. Г.М. Кружкова

~1~

Алтея Прозерпина кормит свою дочь волшебными сказками. «Жила-была на белом свете девушка по имени Анна Паркс – одна из множества мечтательниц середины века, в поисках своей судьбы приезжавших в Манхэттен с чемоданчиком, полным надежд. А потом она пропала, и никто не знал, куда она подевалась. Когда же наша героиня наконец объявилась вновь, она снискала себе странную славу: так посмотришь – сияет, а этак – зловеще темнеет. Теперь же она снова удалилась от мира, бежала в дремучий лес, где в доме с башенками уединенно живет с пятилетней дочерью и мужем, членом одной из королевских семей Европы – как видно, сказки по-прежнему не оставляют ее. Я позвонила ей по телефону – ее голос полон тем же обаянием, которым светится ее знаменитая фотография, та самая, с перстнем и сигаретой. Я спросила, можно ли

будет поговорить с ней лично, – и ее смех заструился, как обжигающий виски, льющийся на кубики льда. «Если попробуете приехать ко мне, непременно заблудитесь, – уверяет она. – Захватите с собой горсть хлебных крошек и клубок ниток».

Статья «Королева Сопредельных земель»,
Ярмарка тщеславия, 1987

Моя мать была вскормлена волшебными сказками в уединенном особняке, а я выросла на автострадах. Мое самое раннее воспоминание – запах горячего асфальта и клочок неба сквозь откидную крышу машины – живое озерцо синевы. Мама говорит, что я путаю: у нашей машины никогда не было откидной крыши. Но я могу четко увидеть этот образ, едва закрою глаза, так что по-прежнему считаю его правдивым.

Мы пересекли страну из конца в конец не менее сотни раз в своей развалюхе, пропахшей картошкой фри, несвежим кофе и фальшивой клубникой – этот неистребимый запах поселился в машине с того дня, когда я скормила свою детскую помаду «Фея Динь-Динь» вентиляционной решетке обогревателя. Нам приходилось так часто менять дома и окружение, что я даже не представляла себе, как это – неуверенно чувствовать себя на новом месте, опасаться незнакомцев.

Именно поэтому в шесть лет я спокойно уселась в старый синий «бьюик» рыжеволосого мужчины, которого видела в первый раз, и позволила ему увезти себя – мы провели в дороге целых четырнадцать часов с двумя перерывами на туалет и еще одним – на обед, состоявший из очень вкусных блинчиков. Через четырнадцать часов нас догнала полиция – ее

вызвала официантка, которая узнала меня в описании, к тому времени уже передававшемся по радио.

Тогда я и узнала, что рыжий мужчина не был тем, кем он представился, то есть – другом моей бабушки Алтеи, который приехал специально, чтобы отвезти меня к ней. Алтея к тому времени уже скрылась от всех посетителей в своем большом доме, и я никогда ее не видела. У нее не было друзей, только фанаты, и мама объяснила мне, что рыжий мужчина – один из них. Фанат, который хотел использовать меня, чтобы таким образом добраться до моей бабушки.

Когда полицейские убедились, что мне не причинили никакого вреда, и опознали рыжего похитителя как безработного, который угнал машину неподалеку от нашего временного жилья в Юте, мама решила, что больше мы об этом говорить никогда не будем. Она не желала слушать, когда я пыталась ей объяснить, что он был добрый, рассказывал мне интересные сказки и смеялся таким теплым смехом, что я, шестилетка, втайне уверовала, что он на самом деле мой папа, который меня наконец нашел. В участке маме показали этого человека сквозь зеркальное стекло, чтобы он не мог ее разглядеть, и она поклялась, что раньше никогда его не видела.

Несколько лет я отчаянно верила, что он – мой папа. Когда мы после его ареста уехали из Юты и на несколько месяцев поселились в санатории для художников в Темпе, я волновалась, что теперь он не сможет снова меня отыскать.

Но он больше не появлялся. Когда мне исполнилось девять, я осознала истинную сущность моей тайной веры: детская фантазия, не более того. И я оставила ее, как поступала со всем, что пере-

росла: со старыми игрушками, ночными страхами, одеждой, которая больше не подходила. Мы с мамой жили, как бродяги – надолго останавливались у друзей, пока их гостеприимство не начинало трещать по швам, мыкались по временным пристанищам. Мы не могли позволить себе такую роскошь, как ностальгия. У нас не было шансов просто остановиться где-нибудь и устроить себе долгую передышку – вплоть до года, когда мне исполнилось семнадцать. Года, когда Алтея умерла в Ореховом лесу.

Когда Элла, моя мать, получила письмо, по всему ее телу пробежала дрожь. Причем это случилось раньше, чем она распечатала конверт. Конверт был кремово-зеленый, с напечатанным ее именем и нашим тогдашним адресом. Мы приехали в тот дом всего-то предыдущей ночью, и я поразилась, что письмо вообще смогло нас отыскать.

Мама взяла со стола нож для бумаги, сделанный из слоновой кости: мы ведь устроились присматривать за домом богатых людей, которые украшали свои апартаменты кусочками мертвых слонов. Дрожащими руками мама вскрыла конверт. Лак на ее ногтях казался таким красным, будто она порезалась.

Она вытащила письмо на свет, и я различила черные строчки текста, но прочесть его не могла. Элла издала звук, какого я от нее еще не слышала – вздох подавленной боли, от которого у меня замерло сердце. Она так близко поднесла листок к глазам, что зеленый цвет бумаги отбрасывал блик на ее лицо. Она снова и снова перечитывала сообщение, чуть заметно шевеля губами, а потом скомкала письмо и бросила его в мусорную корзину.

Курить в этом доме запрещалось – роскошная квартира в нью-йоркском Верхнем Вест-Сайде пахла чем-то вроде дорогого французского мыла и мокрыми йоркширскими терьерами. Но Элла все равно вытащила из пачки сигарету и прикурила ее от антикварной хрустальной зажигалки. Она втянула дым, как молочный коктейль через соломинку, а пальцы ее свободной руки крутили тяжелый зеленый камень, который она носила на короткой цепочке между ключицами.

– Моя мать умерла, – выдохнула она и закашлялась.

Новость разорвалась во мне, как глубинная бомба, от эпицентра где-то внутри расходились волны боли. Хотя времена, когда я могла часами мечтать о встрече с Алтеей, давно миновали, и подобное известие вроде бы не должно было меня ранить.

Элла присела передо мной на корточки и положила руки мне на колени. Глаза ее блестели, но оставались сухими.

– Это не... прости, но это не плохая новость. *Со всем* не плохая. Она может все для нас изменить, она может... – она остановилась на половине фразы. Элла уткнулась головой мне в колени и всхлипнула – это был странный одинокий звук родом не отсюда, из каких-то далеких мест, где темные дороги пахнут прелыми листьями, такой неуместный в ярко освещенной комнате посреди огромного шумного города.

Я поцеловала ее волосы, пахнущие обеденным кофе и дымом, струившимся с кончика сигареты. Элла прерывисто вздохнула и подняла лицо.

– Знаешь, что это значит для нас?

Я посмотрела на нее, потом обвела взглядом богатую, набитую дорогими вещами и совершенно чужую комнату.

– погоди. Ты хочешь сказать, что нам достается «Ореховый лес»?

Особняк моей бабушки, который я видела только на фотографиях, всегда оставался колыбелью моего альтернативного придуманного детства. Там я каталась на лошадях, ездила в летние лагеря. Это была моя воображаемая страна, в которую я убежала отдохнуть от бесконечных автодорог, новых школ и запаха чужих домов. Я уже начала было рисовать себя в далеком мире усадьбы с фонтанами и живыми изгородями, коктейлями в высоких бокалах и чистым прудом, таким сверкающим, что на него нельзя взглянуть, не сощурившись.

Но худая рука моей матери обхватила мое запястье, вытаскивая меня из мира ослепительных лужаек «Орехового леса».

– О Господи, нет. Это значит, что мы *свободны*.

– Свободны от чего? – глупо спросила я, но она не ответила. Она резко встала, бросив недокуренную сигарету в корзину, прямо поверх письма, и целеустремленно вышла из комнаты, будто спеша заняться чем-то срочным.

Едва Элла ступила за порог, я вылила остывший кофе в мусорную корзину, загасив уже разгоравшееся там пламя, и вытащила мокрое письмо. Частично оно успело сгореть, но я разгладила обугленный остаток листка на коленях и попыталась его прочесть. Шрифт, которым письмо было напечатано, казался странным, будто у старой телеграммы.

Вообще письмо не выглядело новым. Даже пахло оно как-то залежало. Я представила, как некто пе-

чатает его на старинной машинке *Selectric* – как на открытке с портретом Франсуазы Саган, которую я вешала над кроватью в каждом новом доме, где нам случалось жить. Исследуя то, что осталось от письма, я вдохнула запах пепла и странных духов. Особенно исследовать было нечего, читались лишь обрывки текста – *С глубокими соблезнованиями... ..езжайте как можно скорее...*

И еще одно темно-коричневое слово среди моря обгоревшей бумаги: *Алиса*. Мое имя. Кроме него я ничего не могла разобрать в этой строке, и больше упоминаний обо мне, похоже, не было. Скатав мокрый лист в комок, я бросила его обратно в корзину.

~2~

До одинокой смерти Алтеи Прозерпины (урожденной Анны Паркс) в огромном особняке под названием «Ореховый лес» наша с мамой жизнь была чередой неудач. Мы переезжали самое малое дважды в год, чаще больше, но злая судьба находила нас повсюду.

В Провиденсе, где мама работала арт-терапевтом в доме престарелых, весь первый этаж нашего съемного дома был затоплен одной августовской ночью, когда мы спали, – причем ночь была совершенно ясная. Дикая кошка ворвалась в наш трейлер в Такоме, разбив окно, обгадила все наши вещи и сожрала остатки моего именинного торта.

В Лос-Анджелесе мы пытались продержаться хотя бы один полный учебный год. Элла снимала там флигель у серьезной хиппи с трастовым фондом, но

через четыре месяца после нашего приезда муж хозяйки заболел синдромом хронической усталости, и мы с мамой переехали к ней в основное здание, чтоб помогать по дому. Вскоре после этого в хозяйской спальне обвалился потолок, а хиппи начала ходить во сне и на одной из подобных прогулок упала в бассейн и чуть не утонула. Не дожидаясь, когда начнется отсчет смертей, мы снова пустились в дорогу.

Когда мы были в пути, я постоянно следила за машинами в зеркало заднего вида: как будто злая судьба могла принять человеческое обличье и катить за нами по пятам в мини-вэне. Но судьба всегда была коварнее нас. Провести ее было невозможно – только снова и снова бежать, едва заведев ее приметы.

После смерти Алтеи мы покончили с переездами. Элла удивила меня, преподнесла мне ключ от новой съемной квартиры в Бруклине, и вскоре мы въехали туда со всеми своими жалкими пожитками. Недели шли за неделями, перетекали в месяцы... Я по-прежнему не теряла бдительности, но наши дорожные чемоданы все еще оставались под кроватью. Свет в нашем новом жилище был цвета всех металлов – слепяще-платиновый поутру, золотой на закате и бронзовый по ночам, когда в окна светили уличные фонари. Я часами могла любоваться игрой света на наших стенах, его переменами. Этот свет принадлежал мне.

Но я все еще видела повсюду тени злой судьбы. Однажды в букинистическом магазине за мной долго следила женщина, которая в конце концов стянула у меня из кармана мобильник, шепнула мне в ухо непристойность и убежала. Как-то я шла по